

«Город» и «городское» в историческом воображении российского постмодернизма в прозе Владимира Шарова

“City” and “Urban” in the Historical Imagination of Russian Postmodernism in the Prose of Vladimir Sharov

Максим Валерьевич Кирчанов

(Воронеж, Россия)

Abstract:

The author analyzes the forms of urban imagination in the prose of Vladimir Sharov. It is assumed that Vladimir Sharov did not seek to construct images of the city objectively in his prose. The author believes that V. Sharov’s prose became a form of imitation, simulation, construction or parody of the city as a form of space and landscape organization. It is presumed that urban images in V. Sharov’s prose are intertextual and connected with other forms of intellectual activities. The author believes that V. Sharov rejected faith in progress and did not recognize the universality of the progressive role of the city in the historical process. In general, the author believes that historical revisionism became the universal form of urban imagination in V. Sharov prose, because the author inspired new intellectual practices and strategies of deconstruction of the city through the construction and deconstruction of its urban spaces.

Key words:

Vladimir Sharov; postmodernism; prose; city; urbanization; imagination

Введение

Проблемы города, а также его противостояния с различными формами негорода и негородской культуры принадлежит к числу универсальных, в том числе — и в прозе российского постмодернизма. Для постмодернизма как литературного течения характерны свои уникальные тактики и стратегии изобретения и воображения города как особого социального и культурного типа, пространства бытования и развёртывания различных идентичностей — национальных, социальных, религиозных, культурных...

Известно, что постмодернизм не стремится к объективному отображению города как коллективного пространственного, культурного и социального героя. Город в прозе российского постмодерна интертекстуален, будучи самым тесным образом связанным с другими формами и проявлениями интеллектуальных активностей, характерных для современного общества. Кроме этого, город в постмодернизме не является линейной категорией, представляя собой комбинацию и имитация различных нарративных практик и стратегий воображения и конструирования пространств. Постмодернизм в литературе в своих отношениях с городом отвергает веру в прогресс, сомневаясь в универсальности прогрессивного культурного влияния города — поэтому образы города в прозе постмодерна чрезвычайно гетерогенны. Несмотря на то, что писатели-постмодернисты жили в реальных городах, это вовсе не означает, что образы города в постмодернистской прозе могут сочетать элементы реального и нереального, рационального и иррационального.

В различной степени эти особенности восприятия воображения города как его изобретения проявляются у большинства писателей-постмодернистов. Проза российского писателя Владимира Шарова (1952–2018) отражает все эти родовые особенности и системные характеристики локализация города на в ментальной и воображаемой географии постмодернизма как культурного явления.

В центре авторского внимания в этой статье будут проблемы воображения и изобретения города и городского пространства в прозе В. Шарова. Целью статьи является анализ основных проявлений и особенностей конструирования города, а задачами — изучение тактик воображения и изобретения, а также анализ стратегий (де)конструкции городских образов. В целом ряде исследований историю предлагается воспринимать «со всеми ее сопутствующими аспектами — проблемой „общей“, „социальной“, „коллективной“ или „народной“ памяти» [TODOROVA 2013]. В настоящей статье подобное восприятие будет редуцировано до городских нарративов в прозе В. Шарова.

Несмотря на то, что постмодернизм относится к числу активно изучаемых направлений в новейшей и актуальной истории российской литературы, число исследований о наследии В. Шарова [AŠČEULOVA 2013a; AŠČEULOVA 2013b; AŠČEULOVA 2014; AŠČEULOVA 2016; GABRIÈLOVA 2015; KĪRČANAŮ 2019] в российской академической периодике не столь велико, как число работ, сфокусированных на других текстах российского постмодернизма. Автор полагает, что роль В. Шарова в истории постмодерна в русской литературе не вызывает сомнений потому, что постмодернистская проза В. Шарова фиксировала и отражала различные тактики, практики и стратегии воображения города как части пространства.

Методологически статья основана на принципах, предложенных в рамках междисциплинарной историографии интеллектуальной истории и национализма. Предполагается, что анализируя как механизмы воображения города, а также практики и стратегии как конструкции, так и деконструкции городских образов в постмодернистской литературе, использование концептов и предположений историков и культурологов, которые оригинально были выработаны и предложены ими в рамках изучения интеллектуальных и культурных активностей, а также воображения сообществ и изобретения традиций, может быть эффективно использована для анализа особенностей воображения города в российской постмодернистской литературе. Анализируя сюжеты данной статьи автор считает рациональным отказаться от филологической ортодоксии в пользу междисциплинарности, то есть изучения заявленной проблематики в контекстах интеллектуальной истории или археологии идей.

«Городские» измерения в прозе В. Шарова

Особое место в историческом воображении российского постмодерна в прозе В. Шарова занимали нарративы, связанные с сосуществованием и противостоянием города как центра и негорода как аграрной периферии. Эти различные пространства В. Шаров был склонен интерпретировать в категориях социальных, культурных и религиозных противоречий. В прозе В. Шарова в качестве коллективных пространственных героев фигурирует несколько городов — Рим, Москва, Воронеж... В текстах В. Шарова город ассоциировался с властью, ее источником, а также распространением власти через подчинение пространства. Поэтому город в публицистике В. Шарова сравнивался с «лордом-латифундистом, решительно оберегающим свои владения» [ŠAROV 2018b, 183].

На современном этапе развития гуманитарного знания, как полагает П. Барковски, «необходимо продолжать деконструировать — критиковать

[статьи]

и заново определять те смыслы, которые нами теряются в результате деполитизации политического мира, через декультурализацию культуры и нигилизацию мышления в новейшем обществе» [BARKOŮSKÌ 2013, 95]. Вероятно, именно этим занимался в свой прозе В. Шаров, конструируя и одновременно демонстрируя мифы российской исторической памяти. Город в прозе и публицистике В. Шарова воспринимался как источник и территориальное и пространственное средоточие властных полномочий элит, которые не только настаивала на своем божественном происхождении, но и стремилась через урбанизацию, при помощи города, подчинять территории путем их «безжалостным уравнением и выравниваем подданных» [ŠAROV 2009a, 92–93]. Город не только был источником власти в российской истории, но и актуализировал противоречия исторического процесса. Если «кочевник любит степь, и кажется странным, что русские не любят лес» [ŠAROV 2009d, 107], то триумф города как пространства, отвоеванного как у поля/степи, так и леса, как территории «пустырей и негороженных строительных площадок» с доминирующим «нежилым пейзажем», состоящем из «котлованов, неровных штабелей бетонных плит, складов, гаражей и овощебаз» [ŠAROV 2009b, 5], кажется неизбежным.

Комментируя роль и места города в узурпации власти в российской истории, В. Шаров подчеркивал, что реализация именно этой модели привела к росту как территориальных диспропорций, так и к «разрыву всех связей между властью и населением», к «абстрагированию власти от местных различий и стремлений». Именно это, как полагал Шаров-историк и Шаров-писатель вынудило элиты идти по «пути унификации» [ŠAROV 2009e, 160]. В этом восприятии пространства элитами, которые смотрели на ландшафт как фактор искушения, следует искать истоки советских традиций градостроительства, которые лишали русские города уникальности, превращая их в серийные советские массовые конструкции. В. Шаров редуцировал историю до противоборства различных городов — «вся человеческая история» воспринималась некоторыми героями прозы В. Шарова как «противостояние и война двух городов — антихристов Вавилона и Небесного Иерусалима» [ŠAROV 2015, 99]. Появление первого стало, вероятно, одним из последствий урбанизации, источником которой была власть — в интерпретации В. Шарова русское государство стало «искажением, подменой Божьей воли», а централизация и развитие государственности неизбежно вели к «уменьшению роли Бога» [ŠAROV 2009e, 161].

История России В. Шаровым-писателем воображалась в категориях противостояния города и негорода. Если, часть страны, представленная преимущественно городами как религиозными центрами в историческом воображении В. Шарова, «сколько могла поспешала в светлое будущее», но в силу самых

разных обстоятельств город «поворачивал не туда... ходил по кругу... но верил, что впереди Святая Земля» [ŠAROV 2015, 596–597] и, поэтому, Вавилон, а не Новый Иерусалим, с одной стороны, стал топосом истории России XX века в ее городском измерении. Урбанизация советского периода в прозе В. Шарова воспринималась как эра упадка и кризиса веры в силу того, что «русский XX век» стал радикальной попыткой власти «оторвать человека от почвы, к которой он долго и старательно старался приноровиться, а дальше — обкатать его как песчинку» [ŠAROV 2009c, 75]. Поэтому обитатели советского города стали носителями уникальных смешанных, вероятно, переходных идентичностей потому, что «сначала думали, что Бог оставил свой народ, а потом решили, что его просто нет» [ŠAROV 2015, 602]. Тем не менее, советский политический эксперимент существенно изменил моральные векторы урбанизации в силу того, что В. Шаров, формируя в своей прозе образ В. Ленина «Христа, которого мы так долго безнадежно ждали», подчеркивал, что тот «призвал разрушить мир страданий... а дальше на пустом месте строить новый, прекрасный Небесный Иерусалим» [ŠAROV 2015, 603].

Мир города для старой дореволюционной России для большинства населения был «был слишком сложен» и поэтому «попытка взглянуть на него проще с неизбежностью обернулась революцией» [ŠAROV 2015, 598]. Если элементы первого В. Шаров локализовал в реальной географии городов, которые становились коллективными героями его прозы, то второй в его литературном и историческом воображении существовал как в большей степени утопический проект. Если Небесный Иерусалим в прозе В. Шарова — почти недостижимая утопия, то реальные советские города, которые как пространственные контексты фигурируют в его прозе, скорее, актуализируют качества антиутопии в силу того, что урбанизация в России исторически была инициирована Романовыми, которые одним из героев В. Шарова воспринимались как «коллективный антихрист», по вине которого «храмы наши стали безблагодатны» [ŠAROV 2015, 109] потому, что «христианский Бог устарел, а народ встретил это равнодушно» в силу того, что в церкви «было чересчур мало любви, чересчур мало сочувствия к людям... защищать ее на баррикадах никто не спешил» [ŠAROV 2003, 66], а «Господь оставил стены церкви и вышел вон» [ŠAROV 2015, 448].

Религиозный кризис в начале XX века сделал возможным советский урбанизационный эксперимент в силу того, что именно города актуализировали то, что «власть боялась той страны, которой она правила» [ŠAROV 2009c, 78]. Советский типичный серийный город в романах В. Шарова, не только символизировал родовые травмы принудительной модернизации в рамках инициированной регулярным государством, трансплантированным с Запада — поэтому поздний имперский и ранний советский город был болен с социальной,

культурной и религиозной точки зрения: если в начале 2000-х годов В. Шаров полагал, что «человек сильно разочаровался в Боге» [ŠAROV 2003, 87], то во второй половине 2010-х подчеркивал, что «болезнь чересчур запущена, никакие лекарства не помогают... мы с ног до головы будем в струпьях и коросте — отметидах, зарубках наших грехов» [ŠAROV 2015, 216].

Город в прозе В. Шарова символизировал радикальный проект модернизации, основанный на дехристианизации — в этой ситуации один из шаровских героев полагал, что «сейчас в каждой городке вижу попытку вывести, буквально под корень выжечь все, что связано с христианством... завтра Россия и вправду может сделаться страной, где в Христа никто не верует, больше того, никогда о нем не слышал» [ŠAROV 2003, 94–95]. Городское в текстах В. Шарова-писателя актуализировало культурные болезни, наследованные ранней советской Россией от поздней Российской Империи. Социальные и политические последствия революции, ставшей одновременно «делом рук оставленных Богом и забытых им» и «Исходом и Возвращением в Египет» [ŠAROV 2015, 200, 601], спасением и освобождением, порабощением и институционализацией диктатуры одновременно, но и, с одной стороны, воспринимался как временное явление в силу того, что «однажды коммунизм канет в небытие, растворится, будто и не было, и вся его территория сделается Святой Землей» [ŠAROV 2015, 159], то есть некоторые герои шаровской прозы вопреки логике исторического процесса в России и вопреки той реальности, которую институционализировала история, верили в трансформацию антиутопии Вавилона в утопический проект Нового Иерусалима, отчасти связанный с попытками создания советской идентичности «Нового Иерусалима», который «можно воздвигнуть где угодно и из кого угодно сотворить избранный народ» [ŠAROV 2015, 394–395].

Такой тип города символизирует Вавилон, который воспроизводится самой логикой развития исторического процесса в России — поэтому, «все Египты и все фараоны отпечатаны как под копирку» [ŠAROV 2015, 133]. Советский город в прозе В. Шарова фигурирует как источник деструктивных изменений в России, как причина разрушения традиционного уклада. Революция 1917 года как «время завоевания Палестины, Земли, обетованной народу Богом... время начала коммунизма» [ŠAROV 2003, 101], по мнению В. Шарова, актуализировала не только противостояние города и негорода, но и кризис урбанизационной модели развития — «в Гражданскую войну за муку и картошку деревня выпила из города все соки. Заводы и фабрики встали, население разбежалось» [ŠAROV 2015, 104], но революция не положила начало процессу деурбанизации российской истории. В своих публицистических текстах В. Шаров актуализировал противостояние города и негорода, полагая, что они развивались разновекторно — если «страна бежала на Восток, к Тихому океану», то «столица

мчалась в направлении прямо противоположном, на запад, к Атлантике» [ŠAROV 2009c, 78].

Город в прозе В. Шарова актуализировал радикальные социальные и религиозные эксперименты — пролетариат в текстах писателя воображался как «новый народ Божий», что трансформировало город в советский аналог Красного моря как «сепаратора добра и зла» [ŠAROV 2015, 607]. Римский, московский, воронежский тексты в прозе В. Шарова в значительной степени гетерогенны — поэтому, все мотивы строительства Небесного Иерусалима у В. Шарова как социальной, культурной и религиозной модели развития лежат в плоскости утопического сознания. В романе «Возвращение в Египет» среди коллективных пространственных мест-героев — Рим, где, по мнению одного из героев, «Бог всегда рядом. Его дома везде. В городе Он главный владелец недвижимости. Церковные врата открыты с раннего утра... в базиликах покойно, прохладно» [ŠAROV 2015, 73]. Рим в прозе В. Шарова фигурировал как содержательно иная религиозная утопия, как часть другого пространства или временная остановка на пути представителей избранного народа к Богу. Особое место среди городских пластов в прозе В. Шарова принадлежит символу «отвоевания Руси и строительства в ней коммунизма, настоящего Царства Божьего» [ŠAROV 2015, 687], то есть Москве, которая одновременно актуализировала «божественные» и «антихристовы» качества, воспринимаясь как место обитания «законных наследников зла» [ŠAROV 2015, 681].

Станции метро воображались как «подземные капища, возведенные в честь того или иного большого демона, слуги антихриста... душа адского города, украшенные с неимоверной пышностью статуями и мозаиками» [ŠAROV 2015, 678] и поэтому поезда метро уподоблялись змеям, которые «живьем заглатывают человеческие души», а пассажиры становились «несчастливыми», которые «добровольно ехали работать на антихриста, строить его город», каждая поездка в метро сравнивалась с «поклонение одной языческой святыне за другой, издевательской пародией на паломничество по святым местам истинного христианина. Спускаясь в метро, кидаешь жетон... приношение нечистым богам... языческий поезд на несколько секунд замирает, чтобы ты мог поклониться мерзкой святыне, затем во весь опор несется к следующей... станции с их статуями святых, иконостасами и небесами... это храмы во имя новомучеников, а ежедневные поездки на работу — стремительные, будто полет, паломничества... каждая станция — катакомбный храм своего святого... наши поездки от одной станции к другой — паломничества между святынями новой лжеверы» [ŠAROV 2015, 679, 682–683].

Этой советской Москве в сознании героев В. Шарова противостояла другая Москва «зеленых полян... с маковками церквей», которая была вытеснена

другим городом, «прочно укоренившимся под землей» и стремящимся наверх, чтобы «уничтожить Божий мир» при помощи небоскребов, воспринимаемых как «языки адского пламени» [ŠAROV 2015, 679–680]. Владимир Шаров, скорее всего, сам подобные идеи не разделял, но вложил их в уста своим героям, чтобы подчеркнуть противоречия последствий секуляризации и форсированной модернизации в стране, которая была к ней фактически не готова. Именно противоречия модернизации и породили множественные и одновременно сосуществующие идентичности, носители которых могли свято верить в коммунизм или воспринимать его как отступление от истинной веры.

Предварительные выводы

Владимир Шаров в своей прозе не стремится к объективному отображению городского пространства и особенностей его организации в российской действительности, будучи склонным к конструированию или даже пародированию города, его имитации, симуляции. Город как герой в прозе российского постмодернизма развивается и функционирует одновременно в рамках интертекстуальной парадигмы, коррелируясь с другими проявлениями интеллектуальных активностей современных русских писателей. Город и городское в прозе В. Шарова стали фактически формой интеллектуальной провокации, которая превратилась в режим городского/урбанистического воображения и конструирования пространства.

В художественных текстах В. Шарова город никогда не был односложной и гомогенной категорией. Владимир Шаров, воображая город, отвергал веру в прогресс, отрицая универсальность прогрессивного исторического развития — городские нарративы в прозе В. Шарова не только актуализируют прогресс, но и упадок и кризис советского эксперимента, направленного на урбанизацию. Советский эксперимент в прозе В. Шарова в определенной степени ассоциируется с кризисом религии в ее традиционных формах. Это позволили воспринять город как сферу развёртывания кризиса, когда традиционные и архаичные формы религии интегрируются и переосмысливаются героями прозы В. Шарова в категориях советской реальности. Смещение исторических эпох в городских пространствах позволяло В. Шарову деисторизировать реальные исторические фигуры, населяя ими пространства города, который был одновременно воображен и изобретен, имитирован и симулирован, реален и воображаем. Городские образы а наследии В. Шарова стали попытками одновременно деконструкции старых и конструкции новых нарративов города как пространства.

Рефлексия относительно города на грани теологии и философии, истории и современности была для В. Шарова интересна в большей степени, чем имитация прошлого и настоящего города в рамках псевдореалистической парадигмы. Город и городское в прозе В. Шарова стали чрезмерно фрагментарными и гетерогенными интеллектуальными и культурными явлениями, что фактически предусматривало и санкционировало культурные и интеллектуальные практики и стратегии, направленные на (де)мифологизацию и (де)сакрализацию города, которая протекала в форме имитации традиционного религиозного сектантского сознания через (де)сакрализацию пространства города как одной из форм протекания российской истории, что было немаловажно для Владимира Шарова — российского писателя и российского историка.

Библиография:

- AŠČEULOVA, I. V. (2013a): *Semejnaja chronika kak formirovanije istoričeskoj pamjati pokolenij v romane V. Šarova «Sled v sled»*. Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo pedagogičeskogo universiteta, 2013, № 2 (130), s. 48–53.
- AŠČEULOVA, I. V. (2013b): *Sjužet poiska pravdy kak osuščestvlenije mečty o raje na zemle v proze V. Šarova*. Sjužetologija i sjužetografija, 2013, № 2, s. 72–78.
- AŠČEULOVA, I. V. (2014): *Trud duši čeloveka kak sočranenije istoričeskoj pamjati roda v romanach V. Šarova*. Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta, 2014, № 3/1 (59), s. 162–166.
- AŠČEULOVA, I. V. (2016): *Sjužet «vtoroje prišestvije Christa» v romanach V. Šarova*. Sibirskij filologičeskij žurnal, 2016, № 2, s. 106–113.
- BARCOŪSKĪ, P. (2013): *Īntelektual'ny manifest: tut i cjaper*. Palityčnaja sfera, 2013, № 21 (2), s. 93–96.
- ĖPŠTEJN, M. (2018): *Letopisec Svjaščennoj istorii*. In: ŠAROV, V.: *Perekrestnoje opylenije: vremja, mesto, ljudi*. Sbornik èsse. Moskva, s. 277–283.
- GABRIĚLOVA, A. (2015): *Filosofsko-istoričeskij grotesk v romane «Vozvraščenije v Jegipet» Vladimira Šarova*. Voprosy literatury, 2015, № 3, s. 177–185.
- KĪRČANAŪ, M. V. (2019): *Topas ruchu jak pastajannaha vjartannja ŭ proze ruskaha i belaruskaha postmadèrnizmu (na prykladze tÈkstaŭ Uladzimira Šarova i Viktara Marcinoviča)*. In: ARCJAMENAK, H. A. (rÈd.): *Belaruskaja mova i litaratura ŭ slavjanskim ètnakul'turnym kantÈksce*. Vicebsk, s. 166–169.
- ŠAROV, V. (2003): *Voskrešenije Lazarja*. Moskva.

- ŠAROV, V. (2009a): *Ikona Svjatoga Georgija Pobedonosca s klejmami*. In: ŠAROV, V.: *Izbrannaja proza v trech knigach. Kniga vtoraja. Iskušeniye revoljucijej (russkaja verchovnaja vlast')*. Èsse. Moskva, s. 82–96.
- ŠAROV, V. (2009b): *Izbrannaja proza v trech knigach. Kniga tret'ja. Do i vo vremja*. Moskva.
- ŠAROV, V. (2009c): *Stolica i provincija: dva puti ponimanija žizni*. In: ŠAROV, V.: *Izbrannaja proza v trech knigach. Kniga vtoraja. Iskušeniye revoljucijej (russkaja verchovnaja vlast')*. Èsse. Moskva, s. 73–78.
- ŠAROV, V. (2009d): *Verchovyje revoljucii*. In: ŠAROV, V.: *Izbrannaja proza v trech knigach. Kniga vtoraja. Iskušeniye revoljucijej (russkaja verchovnaja vlast')*. Èsse. Moskva, s. 102–153.
- ŠAROV, V. (2009e): *Zapisi deda*. In: ŠAROV, V.: *Izbrannaja proza v trech knigach. Kniga vtoraja. Iskušeniye revoljucijej (russkaja verchovnaja vlast')*. Èsse. Moskva, s. 158–170.
- ŠAROV, V. (2015): *Vozvraščeniye v Jegipet. Roman v pis'mach*. Moskva.
- ŠAROV, V. (2018a): *Bal u satany (jego èstetika i ètika)*. In: ŠAROV, V.: *Perekrestnoje opyleniye: vremja, mesto, ljudi. Sbornik èsse*. Moskva, s. 169–181.
- ŠAROV, V. (2018b): *O syr'jevych i nesyr'jevych stranach (pis'mo Aleksandru Ètkindu)*. In: ŠAROV, V.: *Perekrestnoje opyleniye: vremja, mesto, ljudi. Sbornik èsse*. Moskva, s. 182–196.
- TODOROVA, M. (2013): *Săzdavaneto na edin nacionalen geroj: Vasil Levski v bălgarskata obštvena pamet*. Liberalen pregled, 2013, 22 maj.

About the author

Maksim Valerievich Kirchanov, Voronezh State University, Faculty of International Relations, Department of Regional Studies and Economies of Foreign Countries, Voronezh, Russia, maksymkyrchanoff@gmail.com